

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 602-622, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Russia and the West: «Different Time Zones»

Boris N. Mironov

Saint-Petersburg Institute of History, Academy of Sciences of Russia
Dr. (History), Senior Research Fellow
Saint-Petersburg State University, Russian Federation
Professor

Abstract

Traits that some have regarded as distinctively Russian had appeared previously in Europe—sometimes two, three, or more centuries earlier, albeit with variations. Nevertheless, like any country, Russia did have distinctive features brought about by religion, geography, and political and economic conditions. Russia's location on the periphery of Europe, its multinational population, and the influence of its eastern neighbors reinforced these features. Russia embraced Western civilization later than other European countries. Whereas after the fall of the Roman empire most people in western Europe occupied a relatively familiar and well delimited territory containing previously developed centers of Roman culture, Russia's historical development occurred in an uncivilized, immense, and constantly expanding space.

Russia lagged behind the rest of Europe; but this does not preclude its basic similarity to Europe in the social, economic, political, and cultural spheres. Russians and Europeans have shared common features of development, particularly in the spheres of religion, geography, and ethnicity. However, Russia developed asynchronously with other European countries. Russia's Europeanization was not the product of borrowing but the inevitable result of its own evolution, essentially similar to Europe's but delayed by the conditions of its historical environment.

Although this lag placed Russia at a clear disadvantage in international power relations, it cannot be attributed to any hypothetical, peculiarly Russian moral or cultural failing; for the cultural and spiritual richness of this society, at both the popular and the elite levels, has been amply demonstrated.

Keywords: the 18th–early 20th centuries; images of Russia; images of the West; comparison of Russian and the Western institutions; retardation and lag; Russia's and Europe's historical development.

Введение

В современной историографии идут острые дискуссии о цивилизационной идентичности России, о путях и перспективах ее развития в постсоветский период ее истории. В отечественном обществоведении созданы противоречивые образы России (Россия – Европа, Россия – Азия, Россия – Евразия, Россия – тюрьма народов, Россия – дом дружбы народов и т. п.). Эти образы постулируют принципиально различные сценарии ее развития: Россия – Евразия ориентирует на особое развитие, Россия – Европа – на включение в Европу. Следовательно, каждый образ не только идентифицирует Россию по-другому, но и конструирует ее будущее по-иному, и, кроме того – что очень важно! – и Европу конструирует по-разному – с Россией или без нее. Задача статьи рассмотреть эти сконструированные образы России и дать им теоретическую и эмпирическую оценку.

Материалы и методы

Образы России выявляются в ходе анализа отечественной и зарубежной историографии, а их оценка производится преимущественно на основе обобщения результатов собственных исследований [1]. Исследование основано на принципах историзма, научной объективности и системности; используется сравнительно-исторический метод.

Результаты

Сравнение России с Западом, в какой бы момент оно не производилось, обнаруживает различия, которые бросаются в глаза и иностранцам, и россиянам. Спектр отличий зависит от времени сравнения и наблюдателя. Суммируем наиболее характерные черты образа России и Запада на конец XIX – начало XX в., которые формулируются в российском дискурсе по данной проблеме в последние 133 года, от Н.Я. Данилевского до современных евразийцев [2] (табл.).

Таблица

Образ России и Запада в цивилизационном дискурсе на конец XIX-начало XX в.

Россия	Западная Европа
1. православие	католицизм и протестантизм
2. суровые для жизни человека географо-климатические условия	благоприятные для жизни человека географо-климатических условия
3. многонациональная	мононациональная
4. колонизация, внешняя экспансия	жизнь в строгих границах
5. ограничение экономической, политической и мировоззренческой свободы индивида	экономическая, политическая и мировоззренческая свобода индивида
6. государственность как нормативно-ценностное основание и доминантная форма социальной интеграции	религия как нормативно-ценностное основание и доминантная форма социальной интеграции
7. подчинение общества государству, этатизм, патернализм, иерархия	гражданское общество, опора человека на собственные силы, равенство
8. господство государственной и коллективной собственности и командная экономика	господство частной собственности и рыночная экономика
9. общество и государство регулируют общественные отношения и контролируют поведение человека	рынок регулирует общественные отношения, каждый человек контролирует себя
10. коллективизм, соборность, общинность, солидарность, централизация, монополизм	индивидуализм, эгоизм, децентрализация, плюрализм,
11. «вотчинное государство», самодержавие	либеральная демократия
12. социоцентристское общество: примат общества над личностью, человек осознает себя не личностью, а частицей целого, вследствие чего для каждого человека существует только одна социальная ниша - та, которую он занимает	антропоцентричное общество: примат личности над обществом, гражданские права, личная свобода и ответственность, право индивидуального выбора, расчет на собственные действия и собственную судьбу
13. обоюдная безнаказанность подданных и государства при нарушении закона	господство закона
14. деревенская, крестьянская, аграрная	городская, буржуазная, торгово-промышленная
15. мобилизационный путь развития, вмешательство государства в механизмы функционирования общества	инновационный путь развития, опираясь на науку и технику, постоянный технико-технологический прогресс
16. трудовая этика потребительская, минималистская, труд не самоценность, а неизбежная повинность	трудовая этика буржуазная, максималистская, свободный труд как самоценность, спасение души через работу
17. иоанновский, мессианский тип человека: ценностно-рациональный стиль мышления, стремление к абсолютному Добру, минимизация значения земных ценностей, создание гармонии, быть как все, интраверсия	прометеевский, героической тип человека: целерациональный стиль мышления, ориентация на конкретный результат и эффективность, создание порядка из хаоса, жажда деятельности и власти, быть личностью, быть другим, экстраверсия
18. воля – свобода от всего и для себя	свобода как взаимные права и обязанности
19. пассивность, терпимость, консерватизм и гармония как ценности	деятельность, интенсивность труда, погоня за успехом и богатством как ценности
20. религиозность, священность, сакральность мира	секуляризация, профанность, светскость мира

Сначала разберемся, что это за образы, которыми мы часто оперируем, не отдавая в этом ясного отчета? Россия и Запад – это *умственные конструкции*, которые одновременно являются и эмпирическими обобщениями, и априорными конструкциями. Они не выведены индуктивно, путем анализа реальности, а логически сконструированы путем усиления, выделения, заострения тех черт,

которые существуют реально (а иногда и в воображении) и представляются исследователям наиболее важными и характерными. При этом существовавшее сходство полностью игнорируется, все внимание – на различиях. Разве в начале XX в. на Западе не было государственной или коммунальной собственности, а в России – частной? Разве на Западе имелось подлинное гражданское общество, а в России не было даже его элементов? Разве на Западе функционировала идеальная либеральная демократия, а в России – чистое самодержавие? И это относится к каждому из двадцати пунктов «принципиальных» различий между Россией и Западом. Сконструированные объекты – это то, что в социологии (с легкой руки М. Вебера) называется *идеальным, или чистым, историческим типом*: «Это – мыслительный образ, не являющийся ни исторической, ни тем более "подлинной" реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это – чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается для того, чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции, в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность научно дисциплинированная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные. Идеальный тип в данной его функции – прежде всего попытка охватить "исторические индивидуумы" или их отдельные компоненты генетическими понятиями» [3]. Идеальные типы «Россия» и «Запад» – аналитические категории, подобно совершенному вакууму в физике или совершенной конкуренции в экономике. Полученные в результате дискурса, они играют роль культурных конструкций, чтобы иметь масштаб для сравнений. Реальные Россия и Запад весьма отдаленно похожи на их идеальные типы – как совершенная экономическая конкуренция похожа на действительную конкуренцию в современной России или на Западе [4].

В постмодернистской историографии особенно много внимания уделяется социальному конструированию реальности, к которому можно отнести и построение идеального типа. Американский историк и культуролог Л. Вульф посвятил книгу, в которой показывает, что Россию, как и всю Восточную Европу, в качестве отсталой, варварской части континента, «изобрели» философы Просвещения в конце в конце XVIII – начале XIX в. «Прежде чем появиться на карте, Восточная Европа родилась в головах просветителей как конструируемый интеллектуальный объект» с целью на контрасте с «другим», якобы противоположным, доказать, а, по сути, тоже изобрести Западную Европу как оплот и высшее выражение цивилизации. Это противопоставление либеральной Западной Европы и деспотической Восточной Европы, в конечном итоге, стало инструментом политического и экономического господства Европы над Россией [5]. Аналогичную роль «другого» для западноевропейцев исполняли и «турки» [6]. На самом деле, просветители не являлись в данном вопросе первопроходцами. В католической и протестантской Европе негативный образ России сложился еще во второй половине XVI в. (при больших усилиях Польши, находившейся в то время в постоянном конфликте с Россией) и Англии. Английские дипломаты и специалисты, работавшие в России, формировали из России стереотип «варварской страны», а из ее народа образ «варварского народа», который во многом сохранился на протяжении последующих столетий [7]. «На примере истории Московии показывалось, что не надо делать европейцам, что такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира, европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов – прежде всего турок, а со второй половины XVI в. и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII вв. можно повторить мысль Ларри Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения): если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать» [8]. У «темного двойника» со временем появились и другие функции – обоснование экспансии, новых «крестовых походов», экспорта собственных символов политической и религиозной веры, отвлечение внимания от проблем в собственном доме и перенаправление агрессии. Россия чаще всего демонизировалась, а иногда и идеализировалась не по причине ее реальных действий, а из-за собственных страхов, надежд и ожиданий, порождаемых внутренними проблемами.

Добавлю: западноевропейские просветители и их последователи при конструировании образа России опирались на представления некоторых очень просвещенных европеизированных русских, отождествлявших отечество с варварством. Для российских западников образ Запада как высшего проявления цивилизованности, как своего рода «светлого двойника», всегда был также нужен, во-первых, как идеал для сравнения и подражания, «как пространство "романтического побег"» [9] и, во-вторых, для осуждения действительного или мнимого варварства России. В конце XIX–начале XX в. для либерально-демократической общественности, боровшейся с авторитарной властью и стремившейся построить в стране гражданское общество и правовое государство, негативный имидж России стал еще более необходим, поэтому он и утвердился в либеральной историографии и публицистике. Другими словами, если бы не было Запада, то России его тоже следовало выдумать, чтобы на примере Британии, Франции или Германии учить русских, что им надо делать, чтобы стать европейцами. В советской историографии образ бедной, отсталой, агрессивной и угнетающей себя и других России приобрел новые краски и вошел в учебники истории, а через них – в массовое сознание. Без поддержки «изнутри» негативный образ российской империи не стал бы парадигмой.

Этот механизм «темного и светлого двойника» действует в настоящее время повсеместно [10]. Конструирование «темного двойника» США в последние десять лет приобрело даже некоторую популярность и спрос у читателя [11].

Образ России в западных странах – изменчив. Он складывается под влиянием политической конъюнктуры, колебаний внешне- и внутривосточного курсов и определяется потребностями обеспечения стратегических интересов соответствующих стран. В XVIII—начале XX в. имидж может быть правильно понят только в контексте отношения к России, почти всегда в большей или меньшей степени недружественного, прежде всего со стороны Британской и Австро-Венгерской империй [12], во второй половине XX—начале XXI в. – со стороны США. «Американское видение России в большей степени зависит от внутренней эволюции и проблематики самих США, чем от российских событий. Внутренние противоречия социального порядка, экономические спады и подъемы и в особенности выборные циклы способны изменять восприятие и политику в отношении России» [13]. Конструируемый образ был по преимуществу негативным. Лишь в короткие периоды, когда Запад нуждался в военной помощи России, образ добрел и принимал симпатичные европейские черты [14].

Преобладание негативного образа России в значительной мере объясняется тем, что он получил теоретическое «обоснование» и «подтверждение» со стороны западных историков, культурологов и психоаналитиков, которые в большинстве своем изучают ее как империю зла, в терминах отсталости, греховности и провалов [15]. Своего апогея нигилизм относительно России достигает в диагнозе, который поставил современный американский русист, литературовед-психоаналитик Д. Ранкур-Лаферьер, претендующий на высочайшую степень научности: Россия – иллюзия; никакой «русской идеи» не существует и никогда не существовало – это такой же миф, как и «русская душа»; история России отнюдь не тысячелетняя, а насчитывает не более пяти веков, с середины XVI в.; да и сами русские, привыкшие считать себя «великой нацией», на самом деле – великие мазохисты, этнические параноики, вечно смиренные, покорные судьбе, подчиненные воле общества, склонные к непротивлению злу, самоуничтожению и разрушительному пьянству [16]. Если в психоаналитической логике Ранкур-Лаферьера переставить местами Россию и Запад, то получаем прямо противоположный результат: негативное отношение Запада к России говорит о его страхе, о плохо скрываемой агрессии, ревности, зависти, раздражении; декларируемое превосходство Запада имеет защитный характер; осуждение России, заявления о ее ущербности, неполноценности, слабости носят компенсаторный характер. Западноевропейское самовозвеличивание – это проявление нарциссической ущербности, ибо негативная оценка России означает позитивную самооценку Запада.

Подобные псевдонаучные имиджи и взаимные оценки не конструктивны и разрушительны по своим последствиям для обеих сторон; они не ведут к взаимопониманию и решению общих проблем и задач, которых множество. Образы должны быть откорректированы. Конструирование Европы и идентичности России продолжается, и от современных социальных исследователей во многом зависит, войдет ли Россия в Европу, другими словами, будет ли общественное мнение Европы считать Россию частью Европы или нет. Ведь невозможно признать Россию европейской страной, если на Западе и в самой России в дискурсе о ее идентификации ее таковой не признают. Тренд в современной зарубежной историографии состоит в том, чтобы рассматривать Россию в качестве члена европейской семьи, «типичной европейской страны», без которой нельзя понять историю Европы как единого глобального процесса, где время от времени менялись страны-лидеры, ускорялись и замедлялись темпы развития, но прогресс никогда не останавливался. Имеется немало зарубежных ученых, проявляющих сдержанный оптимизм в отношении будущего России [17], и российских ученых, проявляющих оптимизм в отношении будущего Запада и добрых с ним отношений.

Хотя «иной» варварский образ России сформировался и поддерживается преимущественно на Западе, неверно думать, что россияне и то, что происходило и происходит в нашей стране, не имеет к этому никакого отношения. Известный британский историк Н. Дэвис в своей популярной книге засвидетельствовал: «Больше 500 лет кардинальной проблемой в определении границ Европы было включать или не включать в нее Россию. На протяжении всей Новой истории православная, автократичная, экономически отсталая, но географически расширяющаяся Россия плохо подходила Европе. Западные соседи России чаще находили причины, чтобы не относить ее к Европе. <...> Императрица Екатерина категорически заявила в 1767 г., что “Россия — европейское государство”. Это должны были учитывать все, кто хотел иметь дело с С.-Петербургом. В конце концов, Московия была неотъемлемой частью Христианского мира уже с X в., а Российская империя — непременным участником дипломатических союзов. <...> Страх перед “русским медведем” не помешал тому, что с все возрастающим согласием Россию признают частью Европы. В XIX в. этому процессу очень способствовала выдающаяся роль России в разгроме Наполеона, а также расцвет русской культуры в век Толстого, Чайковского и Чехова». Составленный Чикагской школой США в 1930-е гг. «Список Великих книг», претендующий на роль списка ключевых авторов и трудов, необходимых для понимания западной цивилизации, включил 151 автора, среди которых 49 англо-американцев, 27 французов, 20 немцев, 15 древних греков, 9 римлян, 6 русских, 4 скандинава, 3 испанца, 3 итальянца (эпохи Возрождения), 3 ирландца, 3 шотландца и 3 автора из Восточной Европы [18]. Русский вклад составил 4%, а Восточной Европы вместе с Россией – 6%. Не буду спорить по поводу

объективности списка. Важно, что сочинения русских авторов признаются необходимыми для понимания западной цивилизации и что россияне участвуют в конструкциях своего имиджа за рубежом.

Нельзя, впрочем, не заметить: многовековой международный дискурс о цивилизационной принадлежности России, бывший всегда политически мотивированным и достаточно циничным, в настоящее время теряет, если уже не потерял, свою международную актуальность и становится уделом кабинетных интеллектуалов. Перед угрозой Китая Европейский Союз и США готовы идентифицировать любую страну мира как западную (яркий пример дает Япония), если она будет играть по навязываемым ей правилам. Традиционные критерии – свобода, демократия, гражданское общество, частная собственность, рынок – теряют свое значение. На первое место выходит лояльность. В этих условиях российские обществоведы большую пользу могут принести рефлексией по поводу того, как стать мостом, соединяющим Европу с Китаем и Азией в целом и – что является важным условием для достижения этой цели – как улучшить имидж страны. Ибо в сознании мирового сообщества действительный Запад хуже его имиджа, а действительная Россия – лучше ее имиджа. Как сказал немецкий банкир Йохен Вермут на одном из финансовых форумов в Москве в 2011 г.: «Россия в десять раз лучше, чем ее имидж, но в десять раз хуже, чем могла бы быть» [19].

Итак, все существующие в литературе образы России и Запада – это идеальные сконструированные типы, как правило, имевшие политические цели. *Это не подлинные Россия и Запад!* К сожалению, историки и культурологи забывают об этом и отождествляют умственные конструкции с самой историко-культурной реальностью. Кроме того, противопоставляя Россию и Европу, как правило, не принимаются во внимание представления народов Азии, Африки и Латинской Америки, которые никогда не сомневались, что Россия относится к Европе не по географическому расположению, а по сути своей культуры [20].

Однако даже при поправке на преувеличения различия между Россией и Западом все-таки существуют, причем на любой момент в течение последних 1200 лет. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: синхронные – на определенные моменты сравнения России и Запада говорят в пользу их различия, диахронные или сравнения векторов развития – в пользу их схожести. Как это возможно?

Россия и Европа: разные часовые пояса

Основы российской государственности, общественного быта и культуры имеют европейское происхождение, они были заложены в Киевский период и связаны с византийским наследством, принятием христианства и приходом письменности [21]. Многие западные исследователи полагают, и с этим трудно не согласиться, что «Средние века были не “серединой”, а началом Европы. Основы ее культуры сложились уже в раннее Средневековье, до 1000 г., как результат впечатляющего синтеза романо-христианских и исконно европейских (германских, кельтских, *славянских*) элементов». В этот период на смену размытой идентичности эпохи романо-варварских королевств, отмеченной определенным противостоянием «римлян» и «варваров», *пришла новая европейская идентичность – «христиане»*. Прямым следствием этого стало формирование специфических базовых политических и социально-экономических институтов в период между 1000 и 1200 гг., «начиная с которого их развитие продолжалось без цивилизационных надломов вплоть до настоящего времени» [22]. Неблагоприятные внешние и внутренние обстоятельства в течение нескольких столетий задерживали их развитие, но не разрушили и не заменили их другими [23]. Противопоставление России и Запада или России и Европы основано на том, что в каждый данный момент, ввиду асинхронности социальных процессов и изменений, Россия отличалась от самых развитых европейских стран ~~Европы~~. Но в исторической перспективе *Россия переживала почти все те же процессы, развивалась по тем же направлениям, что и они, только с опозданием*. Другими словами, дореволюционная Россия в каждый момент своей истории отличалась от западноевропейских стран, но двигалась по той же орбите, как и они, и поэтому *в каждый момент была похожа на то, чем они были прежде*. Мы легко обнаружим сходство между императорской Россией и другими европейскими, особенно центрально- (Австрией и Германией) и восточноевропейскими [24], странами, если заглянем в их средневековую историю и в первые столетия новой истории [25].

Переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, в результате которого рост численности населения стал регулироваться людьми и перестал угрожать прогрессивному развитию общества, начался во Франции. Именно там ограничительные тенденции роста населения зародились в XIV–XV вв., приобрели значительный размах во второй половине XVIII в., но лишь в XIX–начале XX в. охватили большинство европейских стран [26]. С опозданием, со второй половины XIX в., к этому процессу подключилась и Россия; естественно, что демографический переход завершился позже – к середине XX в., уже в советское время.

Патриархальная семья с деспотическим главой и приниженными домочадцами преобладала не только в России, а во всех европейских странах в средние века и новое время; всюду община вмешивалась в семейную жизнь, контролировала супружескую верность, вследствие чего интимность личной жизни нарушалась [27]. Репрессивная педагогика господствовала во всей Европе ~~всюду~~ вплоть до XVIII в., а строгое и систематическое дисциплинирование в раннем детстве являлось общей европейской моделью воспитания ребенка до XX в. [28] Ряд историков полагают, в противовес

историкам из Кембриджской группы по изучению населения [29], что в странах Западной Европы, как и в России, расширенные и составные семьи предшествовали или, по крайней мере, сосуществовали наряду с нуклеарными [30]. Строгая сексуальная мораль, запрещение или затруднения при получении разводов, преследование внебрачных детей и их матерей, уголовная ответственность за нетрадиционное сексуальное поведение – все это почти в такой же, а в некоторых католических странах еще в большей степени, чем в России, было свойственно всем европейским странам [31].

Сословный строй в более развитых европейских странах установился раньше, чем в России – в средние века и являлся основой общественного порядка до конца XVIII в. При этом, так же как и в России, ни в одной стране даже в период расцвета сословного строя не существовало четких консолидированных сословий – дворянства, духовенства, горожан и крестьян [32]. Например, во Франции XVII в. исследователи насчитывают 22 социальные группы, подразделявшиеся в свою очередь на 569 подгрупп [33]. Русское дворянство после его превращения в сословие в 1762–1785 гг. ничем существенно не отличалось от европейского [34]. Крестьянство нигде, за исключением некоторых северных стран, не было сословием в полном смысле этого слова [35]. В России, как и на Западе, существовала значительная вертикальная социальная мобильность [36]. Трансформация сословий в классы, сопровождаемая профессионализацией, началась в России позже, но проходила интенсивнее [37]. К 1917 г. сословный строй де-юре исчез, хотя его пережитки сохранились в социальной структуре в советское и даже постсоветское время.

В экономической и социальной жизни городов Европы в Средневековье и в начале Нового времени и России в XVIII – первой половине XIX в. мы находим много общего [38]. Горожане были землевладельцами и занимались земледелием. В итальянских и французских городах земледелие являлось главным занятием, в Англии и северных западноевропейских городах – важным, в больших торговых городах оно имело большее значение, в малых – меньшее. Сельскохозяйственные занятия среди горожан были распространены даже в крупных городах XVIII в., не говоря уже о малых [39]. Причины: желание выгодно вложить и сохранить свои капиталы, необходимость обеспечить себя продуктами питания, извлечение доходов, стремление повысить свой статус (главным критерием престижа были размеры и ценность земельных владений), возможность общаться с природой. Горожане объединялись в корпорации, и весь город являлся одной большой корпорацией; в городах проживали представители всех сословий [40].

В европейских странах, как и в России, долгое время городские и сельские поселения не только экономически, но и в социальном отношении мало различались, за исключением немногочисленных крупных торговых городов. Малые средневековые города, которых было подавляющее большинство, подобно сельским поселениям, представляли собой скорее общность, чем общество: «Эта солидарность, это всеобщее братство не ограничивалось многочисленными мелкими союзами, цехами, гильдиями, корпорациями, которые образовывали патриции, ремесленники, подмастерья. Оно обнимало всех граждан города в одно, связанное присягой целое, в котором все готовы были "делить вместе радость и горе в городе, или где придется"», – отмечал известный немецкий историк К. Бюхер [41]. Общественная жизнь проходила прямо на улицах [42]. Даже американские города XVII в. все еще отличались патриархальным коммунизмом [43]. Как и в России, периодические формы торговли – базар, ярмарка, корабейники – вплоть до конца XVIII в. играли важную роль в торговом обороте [44].

Различия принципиального порядка между городом и деревней появились с полным переходом городов к рыночному хозяйству, что в Англии завершилось к началу XVI в., в других европейских странах – в XVII–XVIII вв. В промышленные центры городские поселения стали превращаться только с приходом индустриальной революции [45]. Большая миграция крестьян в британские города во второй четверти XIX в. привела к переносу туда деревенского образа жизни и стандартов. Принимались законы, запрещающие содержание свиней в городах [46]. Санитарное состояние большинства городов до середины XIX в. было столь же неудовлетворительным, как и в России [47]. В бестселлере «Парфюмер» немецкого писателя П. Зюскинда – историка по первоначальному образованию, со знанием дела так описывается ольфакторная (обонятельная) атмосфера западноевропейских городов XVIII в., которая, вследствие более высокого уровня урбанизации [48], была даже хуже, чем в русских городах: «В городах того времени (XVIII в. – Б.М.) стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей... Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло все дворянское сословие... Ибо в восемнадцатом столетии еще не была поставлена преграда разлагающей активности бактерий» [49].

Крепостное право, хотя и в более мягких формах сравнительно с Россией, существовало в большинстве западноевропейских странах в средние века, его пережитки исчезли там лишь в течение XVI–XVIII вв., а в странах Центральной Европы крепостничество было отменено лишь в конце XVIII – начале XIX в. и его пережитки ощущались там в XIX в. [50]

Российская государственность императорского периода проходила те же стадии в своем развитии, как и другие европейские страны, только с большим опозданием и с некоторыми особенностями [51]. В эпоху абсолютизма в европейских странах понятие государства также заключало в себе идею собственности. Монарху «принадлежало» государство, а многие государственные институты считались «собственностью» частных лиц, которые осуществляли военные и гражданские функции таким способом, что стиралось различие между частным и

публичным, между государством и обществом. Еще более трудно было отделить власть городских корпораций (гильдий, городских советов) над своими членами или землевладельцев над своими крестьянами от государственной власти, так как они обладали такой юридической и административной властью, которая в современных государствах принадлежит всецело государственным институтам. К западноевропейским государствам эпохи абсолютизма понятия «публичный» и «частный» столь же трудно приложимы (как и к Российскому государству XVIII – первой половины XIX в.), поскольку отсутствовало понятие общегражданских прав и обязанностей. Права рассматривались как частные привилегии, купленные, унаследованные, выслуженные отдельными лицами и семьями, или как иммунитет от налогов и воинской повинности. Понятие «гражданство» в современном смысле также не было известно, а свобода понималась как автономия от центральной власти [52]. При возникновении демократии электорат в европейских странах был столь же мал, как и в России после образования Государственной думы. Даже в самой демократической для своего времени Англии электорат, если иметь в виду число выборщиков, которые непосредственно выбирали депутатов в парламент, в 1831 г. составлял всего 3,3 % от всей численности населения – *ровно столько, сколько было в Европейской России в 1907–1910 гг.* [53]

К 1917 г. гражданское общество в России сформировалось лишь в общих чертах, причем только в городской среде Европейской части страны. В деревне и восточных окраинах оно находилось лишь в зародыше. Но и в западноевропейских странах оно развивалось медленно и постепенно и зрелой стадии достигло только в XX в. [54]

Юридический плюрализм, когда в пределах одного государства одновременно действует две или более систем права, характерный для России XVIII – начала XX вв., был всеобщим явлением в европейских странах в средние века и в начале нового времени, лишь в XIX в. в большинстве случаев законодательство вытеснило обычное право [55]. В Англии юридический дуализм сохранялся и в XX в. [56] Преступность в европейских странах в доиндустриальную эпоху была невысокой, как и в России до 1860-х гг. В течение второй половины XIX – начала XX в. различия сгладились, в результате чего в 1900–1913 гг. по уровню преступности Россия уступала Англии лишь в 1,2 раза, Франции – в 1,9 раза, Германии – в 2,4 раза, в то время как в середине XIX в. – примерно в 7-8 раз [57]. Уровни преступности выравнивались благодаря более быстрому росту преступности в России. Жестокие наказания преступников были распространены повсюду в Европе до конца XVIII в., а телесные наказания вышли из употребления в большинстве европейских стран во второй половине XIX в. [58]

Сходство между Россией императорского периода и другими европейскими странами в более раннее время обнаруживается также в духовной культуре и менталитете [59]. Гадалки, колдуны и прорицатели пользовались большим почетом в российской деревне и в начале XX в., в крупных городах они стали исчезать в конце XIX в. В западноевропейских странах их популярность достигла своего пика в средние века, с началом нового времени она пошла на убыль, но в сельской местности сохранилась до XVIII в. [60] По наблюдениям иностранных путешественников XVIII–XIX вв., религиозность русских и западных людей существенно различалась. Для всех русских в начале XVIII в., а для простого народа вплоть до начала XX в., были характерны следующие особенности: плохое знание основ христианского вероучения, подмена веры строгим соблюдением ее уставов и обрядов, распространенность суеверий и предрассудков (почитание икон, хождение на поклон к святым местам, посты и т.п.), отсутствие должного благоговения в церкви во время службы и совершения таинств, «прагматический» характер благочестия (от соблюдения обрядов ожидали практических результатов – хорошего урожая, здоровья, успеха в делах и т.п.). Но примерно такой же была религиозность в западноевропейских странах до Реформации, а для многих сельских жителей – в XVII–XVIII вв. [61]

В России, как и в остальной Европе, секуляризация происходила медленно, а научные воззрения проникали в народные массы туго [62]. Охота на ведьм – свидетельство бытования языческих пережитков в массовом сознании – настолько широко практиковалась в западноевропейских странах в XVII–XVIII вв., что в этом отношении, если судить по числу зафиксированных случаев суда над ведьмами, они даже превосходили Россию [63]. В XVI–XVIII вв. языческие пережитки существовали повсеместно в Европе, их живучесть и распространенность возрастали с запада на восток; в восточноевропейских странах они наблюдались еще в XX в. [64], а, вероятно, последний случай линчевания колдуньи зафиксирован в Англии в 1751 г. [65] Сельскохозяйственная магия – другой важный показатель сохранения шаманизма в верованиях людей – благополучно дожила до середины XX в. во многих западных странах. Например, в США в 1950-е гг. она широко применялась при поднятии целины, кастрации скота, посадках садов и в других случаях, когда налицо были риск и неопределенность результата. В 1956 г. 40 % фермеров из штата Огайо перед севом приглашали профессиональных колдунов, гарантирующих достаточное количество осадков. Вследствие спроса на их услуги во всей стране насчитывалось до 25 тыс. колдунов, вызывающих дождь [66]. Русские путешественники первой половины XIX в. с некоторым удивлением отмечали бытование языческих праздников в Европе [67].

Приверженность принципам моральной экономики, столь характерная для русского крестьянства, обнаруживается даже в самой обуржуазившейся Англии и Франции еще в XVIII – начале XIX в. в хлебных бунтах и в движениях разрушителей машин [68]. Традиционная трудовая этика – так называемая этика праздности, в большинстве европейских стран существовала вплоть до

индустриальной революции, а в ряде католических стран, например в Италии и Испании, дожила до XX в. [69] Низкий уровень жизни, широкое распространение бедности – характерные черты всех европейских стран вплоть до завершения индустриальной революции в середине XIX в. [70]

Частые стихийные восстания, мятежи и смуты не являлись особенностью социальной жизни России; они играли важную роль в истории всех европейских стран от средних веков до новейшего времени, также как революции – в Новое и Новейшее время [71].

Многие современники сознавали, что простой народ – преобладающая часть населения России – живет в более раннем времени сравнительно с привилегированными группами населения или со своими западными соседями. Ирландской знакомой Е.Р. Дашковой, Кэтрин Вильмот, прожившей в России 1805–1806 гг., русское общество конца XVIII – начала XIX в. напоминало западноевропейское общество XIV–XV вв. [72] Известный либеральный историк и помещик К.Д. Кавелин считал темные и грубые стороны русского сельского быта 1860–1870-х гг. «недостатками молодости» [73]. По мнению известного экономиста начала XX в. П.П. Маслова, крестьянина по происхождению, «прилагая западноевропейские мерки к идейным течениям среди крестьян, мы можем сказать, что крестьянство (во второй половине XIX – начале XX в. – Б.М.) идейно жило в XV–XVI столетии, между тем как городская интеллигенция жила в XIX столетии. Крестьянство <...> на почве религии стремилось создать новый идеальный общественный строй» [74]. Возможно, расцвет русской религиозной философии конца XIX–начала XX в. объясняется именно особым менталитетом значительной части русского народа, свойственному Западной Европе в средние века. Все это признаки молодости, если смотреть на Средневековье в соответствии с достижениями современной медиевистики как на инкубационный период, подготовивший творческий взлет нового времени, а не как на период застоя и невежества [75].

В 1881 г. французский переводчик Э. О'Фаррель издал «Три русские сказки М.Е. Щедрина» («Как один мужик трех генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик») и в августе 1881 г., во время пребывания писателя в Париже, подарил ему экземпляр книги. Это подношение растрожило автора. «Помилуйте, – говорил Салтыков–Щедрин, – какой интерес могу я представлять для французской публики? Я – писатель семнадцатого века, на их аршин. То, против чего я всю жизнь ратую, для них не имеет даже значения курьеза. Надо это понять!». Бывший свидетелем этого писатель П.Д. Боборыкин заметил в своих воспоминаниях: «Спорить с ним было трудновато, и он никак не хотел сойти с того тезиса, что он писатель "семнадцатого века". А между тем разве он по-своему не был прав? Разве после представления «Грозы» Островского самые авторитетные французские критики не сказали без всякой иронии, что нравы эти напоминают им XIV век во Франции; вы видите: даже "четырнадцатый", а не "семнадцатый". Быть может, у одного Салтыкова достало мужества так резко определить содержание своей сатиры для французов» [76].

Можно считать закономерным, что по своей психологии русский взрослый крестьянин XIX в., как он изображается в русской классической литературе и как это было в жизни, напоминает современного юношу [77]. Н. А. Бердяев пронизательно заметил: «Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединились бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни» [78]. Подобную идею высказывал основатель американской антропологической школы Ф. Боас (1858–1942): в различных общностях могут господствовать разные хронологические порядки, т. е. что человеческие сообщества могут жить «в разных временах» [79].

В.В. Набоков, блестяще владевший русским и английским, нашел «возрастные» различия между языками, сообщив об этом в Постскрипуме к русскому изданию своего романа «Лолита» 7-го ноября 1965 г.: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зелёным русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но ещё недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пёстрого знания с полной свободой духа. Свобода духа! Всё дыхание человечества в этом сочетании слов» [80].

Таким образом, то, что в императорский период считалось национальной спецификой русских, несколькими поколениями ранее встречалось в других европейских странах. Разумеется, не буквально, а принципиально, ибо в рамках европейской цивилизации Россия, как и каждая страна, имела национальные особенности, обусловленные различиями в религии, географической среде, в политических и культурных условиях существования [81]. Эти особенности были усилены расположением России на восточной окраине Европы, многонациональным составом ее населения, влиянием восточных соседей, тем, что она позже других вступила в круг новой европейской цивилизации и ее история разворачивалась на «диком», необъятном и непрерывно увеличивавшемся

пространстве, между тем как большинство народов Западной Европы после падения Римской империи развивалось на уже освоенной и небольшой сравнительно с Россией территории, где находились центры римской культуры. Своеобразие условий существования не помешало ей иметь принципиальное сходство с Европой в социальном, экономическом, политическом и культурном отношениях. То, что называется «европеизацией России», как верно сказал П.Н. Милюков, «не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, задержанный условиями среды» [82]. Глобальные факторы эволюции общества, по крайней мере после принятия христианства, - религия, обеспечивавшая культурные предпосылки, географическая среда, обеспечивавшие материальные предпосылки, и общие антропологические предки, или раса, обеспечивавшие биологические предпосылки, - были общими у русских и других народов Европы. В новое время русские национальные традиции и ценности находились в рамках европейских [83], что в значительной мере предопределяло сходство социального развития России и Запада.

Однако более позднее включение в круг европейской цивилизации имело серьезные последствия. Во-первых, Россия развивалась асинхронно сравнительно с другими европейскими странами, поэтому то, что исследователи, лишённые понятия историзма, называют пороками российской политической и социальной системы, национального характера или, наоборот, достоинствами - не более и не менее как болезни роста и стадии развития: при сравнении с более зрелыми обществами многие особенности кажутся недостатками, а при сравнении с более молодыми - достоинствами. Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась. Уже Киевская Русь не являлась феодальным обществом в европейском смысле этого понятия; феодальные черты появились несколькими столетиями позже - в XIII-XVI вв. - и поэтому не были столь «чистыми» [84]. Проводить *синхронные сравнения* уровня социального и политического развития между Россией и западноевропейскими странами так же некорректно, как сравнивать мальчика со взрослым человеком. Например, Россия привержена авторитаризму и коллективизму несколько не более чем Англия или Германия в свое время; русские люди отличаются неуважением к частной собственности или закону настолько же, насколько французы или итальянцы отличались в свое время. По отношению к России завышенные требования уместны, но оценка достигнутого должна соотноситься с ее возможностями и возрастом. Подобно тому, как в порядке воспитания от юноши следует требовать, чтобы он вел себя, как взрослый, но при оценке его поступков необходимо учитывать его возраст. Во-вторых, модернизация в некоторых случаях проводилась в России сверху тогда, когда традиционные структуры были здоровыми и полными сил: она ломала и перестраивала крепкий еще старый порядок по западноевропейским образцам. Вследствие этого соотношение между преемственностью и изменением нередко оказывалось в пользу первой, модернизация не доходила до устоев, захватывала внешнюю сторону, как говорится, мертвые хватили живых. Но другого выхода не было - это судьба страны, вступившей в процесс модернизации позже других и стремящейся их догнать.

С 1917 г. по 1991 г. сближение России и Запада продолжалось, причем с двух сторон. Россия стала урбанистическим, индустриальным, светским, образованным обществом. Запад, хотя и развивался в направлении либеральной демократии и рыночной экономики, тем не менее, усвоил идеи регулируемой экономики, социального государства, или государства всеобщего благоденствия, практику идеологической обработки населения и тотального контроля и многие другие советские ноу-хау. После 1991 г. Россия, вновь вступив на путь демократии и рыночной экономики, совершила мощный рывок в направлении Запада. Несмотря на это, качественное сравнение России и Запада в 2013 г. найдет много различий между ними, однако количественный анализ покажет, что степень различий уменьшилась. Политическая культура россиянина в 1990-е гг. радикально изменилась и в настоящее время, с точки зрения основных ее показателей: отношение электората к политическим свободам, плюрализм, распределение электората по шкале «левая-правая» ориентация, готовность к протестной деятельности в случае нарушения прав и ухудшения экономической ситуации и др., - Россия приблизилась к западным демократиям, хотя и не стала им идентичной [85].

Конвергенция - главная тенденция развития Европы XVIII-XX вв., в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба, и игнорировать ее было бы легкомысленно. Серьезный исследователь должен регулярно переконструировать идеальные типы в соответствии с произошедшими изменениями. Иначе идеальные типы «Россия» и «Запад» превратятся в совокупность ложных стереотипов сознания, иными словами, - в ложные мифы. Как сказал М. Вебер: «Есть науки, которым дарована вечная молодость, и к ним относятся все исторические дисциплины, перед ними в вечном движении культуры все время возникают новые проблемы. Для них главную задачу составляют преходящий характер всех идеально-типических конструкций и вместе с тем постоянная неизбежность создания новых» [86].

Заключение

Итак, Россия в течение своей более чем тысячелетней истории, несомненно, развивалась как европейская страна. Глобальные факторы ее эволюции, по крайней мере после принятия христианства, были общими у русских и других народов Европы. Русские национальные традиции и ценности находились в рамках европейских. Все российские общественные институты - разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы

поведения) ограничения, структурирующие их взаимодействие, являлись по сути европейскими. В России не было и нет ни одного института, который бы не встречался в какой-нибудь европейской стране. Россия и все европейские страны развивались и развиваются по одной траектории. В каждый данный момент Россия находится на более ранней стадии социального, экономического и политического развития относительно лишь самых развитых западноевропейских стран. А по сравнению с другими, например с балканскими странами или Польшей, Россия в период империи ни в чем существенно не отличалась и от них не отставала, в особенности в новое время. Сходство сценариев развития России и других европейских стран объясняется тремя обстоятельством: естественным, спонтанным тяготением страны к европейской траектории; желанием элиты идти общеευропейским путем; политикой правящего класса, сознательно и настойчиво преследовавшего цель сравняться с самыми передовыми европейскими странами, причем во всех отношениях.

Примечания:

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003; Миронов Б.Н. Благосостояние и революции в имперской России: XVIII—начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012.
2. Гофман А. Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 553; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 469-509; Ильин В. В. Политология. М.: Кн. дом «Университет», 2000. С. 334-341; Шаповалов В.Ф. Россияведение. М.: Гранд; ФАИР-пресс, 2001. С. 332-362.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 393.
4. См. например: Уткин А. И. Россия и Запад: История цивилизаций. М.: Гардарики, 2000; Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 191-228; Billington J. H. *Russia in Search of Itself*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Press: Johns Hopkins University Press, 2004; Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Lieven D. *Empire: The Russian Empire and its Rivals*. London: John Murray, 2000; Poe M. *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000.
5. Вульф. Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 516—541. Подобным образом другой американский интеллектуал и политический активист палестинского движения Эдвард Вади Саид (1935—2003), в 1978 г. в своей ставшей знаменитой книге показал, что Запад всегда имел дело не только с Востоком как таковым, с его презентациями, сколько с тем вторичным по своей сути образом Востока, который создал сам для своих нужд – с системой репрезентаций; изобретение отсталого Востока служило средством господства Запада над Азией: Саид Э. В. *Ориентализм: Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир, 2006.
6. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
7. Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2012. С. 261. Негативные оценки русских встречаются уже в европейских хрониках XII-XIII вв., где они предстают как дикие, неблагородные, необразованные люди, тяготеющие к общению с язычниками: Концепции и оценки развития России (XX-начало XXI в.) в зарубежных исследованиях. Коллективная монография / Ю.И. Игрицкий (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 184.
8. Филюшкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией. С. 225—226. См. интересные соображения на этот счет: Станциани А. Взаимное сравнение и история: Некоторые предложения, подсказанные изучением российского материала // *Ab Imperio*. 2011/4. С. 35—57.
9. Щукин В. Г. Запад как пространство «романтического побега» (Замогильные записки Владимира С. Печерина) // Из истории русской культуры: В 5 т. Т. 5. (XIX век) / Б. Ф. Егоров, А.Д. Кошелев (сост.). М.: Языки русской культуры, 1966. С. 559—573.
10. Пример использования функций «темного и светлого двойника» см.: Foglesong D.S. *The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (см. интересную рецензию В. И. Журавлевой в «Новом историческом вестнике». 2009. № 2); Кушцова И.В. Образ Германии в сознании российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны // *Клио*. 2012. № 5 (65). С. 68—71; Ладыгин А.В. Образ Германии в сознании российского общества в 1870-1890 гг. (по материалам прессы): Автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
11. Бьюкенен П.Дж. *Смерть Запада*. М.: Издательство АСТ, 2003; Джекобс Д. *Закат Америки: Впереди Средневековье*. М.: Европа, 2006.
12. Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М.: Европа, 2007. С. 642, 643, 645.
13. Крашенинникова В. *Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России*. М.: Европа, 2007. С. 248, 349—356.

14. Партаненко Т.В., Ушаков В.А. Взаимовосприятие России и Запада (XVIII-первая половина XIX века). СПб.: Нестор, 2006. С. 142; Цилюрик Д.Д. Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX в. // Медиаскоп. 2012. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1026> (последнее посещение 27.10.2013). Анализ того, каким был и как формировался образ России за рубежом и в самой России в XVII–XIX вв. см.: Белгородская Л.В. Образ российской империи на страницах британский и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009; Концепции и оценки развития России...; Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах (история, теория, педагогическая практика) / И.О. Ермаченко (ред.). Петрозаводск: ПГУ, 2001; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / А.И. Голубев (ред.). М., 2000; Ушаков В. А. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов: В 3 кн. СПб.: Полторацк, 2010–2012.
15. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образ России в мире. М.: АИРО-XXI, 2010. Вопрос конструирования образа России за рубежом обсуждался на международной конференции в Будапеште: Образ России с Центрально-европейским акцентом: Сб. статей и материалов / Д. Свак, И. Киш (ред.). Будапешт: Центр русистики Будапештского университета; Москва: ИНИОН, 2010. Среди докладов особенной интерес в связи с обсуждаемой проблемой представляют: Свак Д. Россия и ее имидж; Вагнер П. Образ России в Центральной Европе: бремя истории и его отголоски; Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности; Павликова М. Особенности формирования образа России в СМИ зарубежных стран. См. также: Бородин С.В. Стереотипы России и русских в учебниках ФРГ в 1950-1980-х гг. // Образы историографии / А.П. Логунов (ред.). М., 2000. С. 133-146; Елистратов В. С. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1991; Новые мифы о России: Русские глазами иностранцев / Л. Арье и др. М.: Эксмо, 2005; Образ России: Русская культура в мировом контексте / Е. П. Челышев (ред.). М.: Азбуковник, 1998; Русские глазами иностранцев: Новые мифы о России / В. Бетаки, и др М.: Эксмо, 2009.
16. Ранкур-Лаферьер Д. 1) Рабская душа России: Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М.: Ладомир, 1996; 2) Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности. М.: Ладомир, 2003.
17. Шевырин В.М. Переосмысление российской истории X–начала XX в. в зарубежной историографии: (Обзор) // История России в современной зарубежной историографии: Сборник обзоров и рефератов / В.М. Шевырин (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2010. Ч. 1. С. 14, 15, 60. См. также: Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени: С 1789 года до наших дней. М.: Весь мир, 2006; Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006. Голоса, оспаривающих европейскую сущность России, притихли, но не смолкли: Безансон А. Россия – европейская страна? // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 246-265.
18. Дэвис Н. История Европы. М.: Транзиткнига, 2005. С. 9, 17.
19. URL: [http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Pressse-Rossiya-v-desyat?](http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Pressse-Rossiya-v-desyat/) (дата обращения 30.10.2013).
20. Дискурс об исламе, России и Востоке рассмотрен в кн.: Батунский М.А. Россия и ислам. В 3 ч. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
21. Сахаров А. Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М.: ИРИ РАН, 2006; Masaryk Th. G. The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy. London and New York: G. Allen and Unwin; Macmillan, 1955. Vol. 1-2; Miliukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L. Russian History. New York: Funk and Wagnalls, 1968. Vol. 1. P. XVIII-XXI, 98; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. New York and Washington: Praeger Publishers, 1971. По мнению Янова, Россия I родилась страной европейской как Киевско-Новгородская Русь: Янов А. Россия и Европа: В 3 кн. М.: Новый хронограф, 2008. Кн. 1. В начале была Европа: У истоков трагедии русской государственности. 1462-1584.
22. Olson L. The Early Middle Ages: the Birth of Europe. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 198. Экстравагантной представляется точка зрения, согласно которой после нашествия монголов произошел полный разрыв с Киевским периодом и наблюдалось слепое копирование политических и военных институтов монголов: Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология / Дж. Маджеска (сост). Самара: Изд-во СГУ, 2001. С. 143-171.
23. Точка зрения о европейской траектории России нашла свое воплощение в недавней фундаментальной книге известного немецкого историка Манфреда Хильдермайера ««История России: от Средневековья до Октябрьской революции»: Hildermeier M. Geschichte Russlands: Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. Leinen: С. Н. Beck. 2013. 1504 S. На русском языке этому посвящена его статья: Хильдермайер М. Российский «долгий XIX век»: особый путь» европейской модернизации? // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 85–101.
24. The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages to the Early Twentieth Century / D. Chirot (ed.). Berkeley, CA: University of California Press, 1989; Okey R. Eastern Europe, 1470-1985: From Feudalism to Communism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982; Wandycz P. S. The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present. London and New York: Routledge, 1992.

25. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. / Т. Л. Моисеенко-Доорн (ред.). М.: РОССПЭН, 1998. С. 60–191, 416–419; Тревельян Дж. М. Социальная история Англии: Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 21–121; Galtung J., Rudeng E., Heiestad T. On the Last 2500 Years in Western History... P. 320–329; Goubert P. The Ancient Regime: French Society, 1600–1750. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; Huppert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1986; Laslett P. The World We Have Lost; Pennigton D. N. Seventeenth Century Europe. London and New York: Longman, 1970; Weber E. A Modern History of Europe: Men, Culture, and Society. New York: W. W. Norton, 1971. P. 3–36, 183–220.

26. Бессмертный Ю. Л. 1) Историческая демография позднего средневековья на современном этапе // Средние века. 1987. Т. 50. 1987. С. 292–293; 2) Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. С. 222–229; Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976; Брачность, рождаемость, семья за три века / А. Г. Вишневский, И.С. Кон (ред.). М.: Статистика, 1979; Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 29–63, 230–233; Flinn M. W. The European Demographic System: 1500–1820. Brighton: Harvester Press, 1981; Haines M. R. The Population of Europe: The Demographic Transition and After // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000: In 6 vols. / P. N. Stearns (ed.). New York etc.: Charles Scribner's Sons, 2001. Vol. 2. P. 159–170; Levine D. The Population of Europe: Early Modern Demographic Patterns // Ibid. P. 145–158; Riddle J. M. Birth, Contraception, and Abortion // Ibid. P. 181–191.

27. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 55–59; Зидер П. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: Владос, 1997. С. 285–294; Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of Fourteen European Countries / K. Boh et al. (eds.). London and New York, 1989; Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. The Family and Age Groups. P. 85–242; Gillis J. R. For Better, For Worse: British Marriages, 1600 to the Present. New York and Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 130–134; Gottlieb B. The Family in the Western World from Black Death to the Industrial Age. New York and Oxford: Oxford University Press, 1993; Flandrin J.-L. Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 118–144; Mitterauer M., Reindard S. The European Family: From Patriarchy to Partnership from the Middle Ages to the Present. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 227–234; Shorter E. The Making of the Modern Family. New York: Basic Books, 1977. P. 39–44, 54–78, 218–227; Stone L. The Rise of the Nuclear Family in Early Modern England: The Patriarchal Stage // The Family in History / Ch. E. Rosenberg (ed.). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975. P. 13–59. Впрочем, насилия в семейных отношениях много даже в современных западных странах. Например, в США в 1980-е гг. в 28% семей встречались случаи физической агрессии супругов друг против друга, в 4% случаев с применением оружия: Campbell A. Men, Women and Aggression. New York: Basic Books, 1993. P. 103. Ежегодное число женщин, избиваемых своими мужьями, оценивается социологами в 3–5 млн человек, а мужчин, избиваемых женщинами, в 6 раз меньше, следовательно, – 0,5–0,8 млн: Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал. Серия 3: Философия и социология. 1986. № 3. С. 159–165.

28. Кон И. С. Бить или не бить. М.: Бремя, 2012. Глава 2. Немного истории; Зидер П. Социальная история семьи... С. 36–45, 115–120, 133–136; Anderson A., Zinsser J. P. A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present. New York: Harper and Row, 1988. Vol. 1, 2; Aries Ph. Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. London: Jonathan Cape, 1962; Levine D. History of the Family // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 97; Pollock L. A. A Lasting Relationship: Parents and Children over Three Centuries. Hanover and London: University Press of New England, 1987; The History of Childhood / M. Lloyd (ed.). New York: The Psychohistory Press, 1974;

29. Family Forms in Historic Europe / R. Wall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / P. Laslett, R. Wall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 623.

30. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 55–57; Berkner L. K. The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. 1975. No. 4. P. 721–738; Flandrin J.-L. Families in Former Times.... P. 5–92; Levine D. The European Marriage Pattern // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 171–180.

31. Hall L. A. Masturbation // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 279–290; Phillips R. G. Sex, Law, and the State // Ibid. P. 301–310; Sigel L. Z. Sexual Behavior and Sexual Morality // Ibid. P. 243–258; Sohn A.-M. Illegitimacy and Concubinage // Ibid. P. 259–268; Trumbach R. Homosexuality and Lesbianism // Ibid. P. 311–326.

32. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 146–151, 154–171; Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification / M. L. Bush (ed.). London and New York: Longman, 1992).

33. Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного colloquium историков / В. С. Дякин (ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 70, 78.

34. Dewald J. The Aristocracy and Gentry // *Encyclopedia of European Social History*.... Vol. 3. P. 27–38; *The Nobility in Russia and Eastern Europe* / I. Banac, P. Bushkovitch (eds.). New Haven: Yale University Press, 1983.
35. Хачатурян Н. А. Французское крестьянство в системе сословной монархии // *Классы и сословия средневекового общества* / З. В. Удальцова (ред.). М.: Наука, 1988. С. 103–111.
36. Kaelble H. Social Mobility // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 3. P. 19–26.
37. Albisetti J. C. Professionals and Professionalization // *Encyclopedia of European Social History*.... Vol. 3. P. 57–78; Hunt M. The Middle Classes // *Ibid.* P. 39–56.
38. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 64–191; Friedrichs Ch. R. 1) The City: The Early Modern Period // *Encyclopedia of European Social History*.... Vol. 2. P. 249–262; 2) Urban Institutions and Politics: The Early Modern Period // *Ibid.* Vol. 2. P. 301–306; Gies F., Gies J. *Life in a Medieval Village*. New York et al.: Harper and Row, 1990. P. 88–105; Huppert G. *After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe*. P. 1–13, 30–40.
39. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. С. 141–166; Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902; Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М.: М.И. Водовозова, 1897. С. 285–297; Ястребицкая А. Л. Европейский город (средние века и раннее новое время): Введение в современную урбанистику. М.: ИНИОН РАН, 1993; Doyle W. *The Old European Order: 1660–1800*. Oxford et al.: Oxford University Press, 1990. P. 126.
40. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества... С. 150; Тушина Е. В. Городское землевладение // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан / А.А. Сванидзе (ред.). М.: Наука, 1999. С. 279–289.
41. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб.: Н.Н.Каблуков, 1907. С. 165.
42. Haine W. S. Street Life and City Space // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 313–328.
43. Russo D. J. *Families and Communities: A New View of American History*. Nashville, 1974.
44. Miller M. Fairs and Markets // *Encyclopedia of European Social History* ... Vol. 2. P. 425–438.
45. Cowan A. Suburbs and New Towns // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 329–342.
46. Mathias P. *The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700–1914*. 2nd ed. London; New York: Methuen, 1983. P. 179.
47. Papayanis N., Wakeman R. The Urban Infrastructure // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 277–290.
48. Cowan A. Urbanization // *Encyclopedia of European Social History*. Vol. 2. P. 237–248; Friedrichs Ch. R. The City: The Early Modern Period // *Ibid.* P. 249–262; Konvitz J. The City: The Modern Period // *Ibid.* P. 263–276.
49. Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. СПб.: Азбука, 2000. С. 5–6.
50. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. С. 74–98; Кнапп Г. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии. СПб.: О.Н. Попова, 1900; Томпсон Ф. М. История европейских сельских обществ // *Цивилизации*. 1995. Вып. 3. С. 209–218; Brener Debate: *Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe* / T. H. Aston, C. H. E. Philis (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Blum J. *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1978; Doyle W. *The Old European Order*. P. 14–17; Gorshkov B. Serfdom: Eastern Europe // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 379–388; Slicher van Bath B. H. *The Agrarian History of Western Europe: A. D. 500–1850*. New York: St. Martin's Press, 1963; Vardi L. Serfdom: Western Europe // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 369–378.
51. Bendix R. *Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order*. Berkeley et al.: University of California Press, 1977. P. 175–211; Heady F. *Public Administration: A Comparative Perspective*. New York and Basel, 1983. P. 136–173; Heater D. B. *Order and Rebellion: A History of Europe in the Eighteenth Century*. London et al.: G. G. Harrap, 1964. P. 223–229; Madariaga I. 1) *Russia in the Age of Catherine the Great*. New Haven and London: Yale University Press, 1981. P. 581–588; 2) *Sisters under the Skin* // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. No. 4. P. 624–628; Shubert A. The Liberal State // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 449–462; Tilly Ch. Democracy // *Ibid.*... P. 463–476.
52. Бессмертный Ю. Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // *Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи* Материалы XVII сессии Симпоз. по изуч. пробл. аграр. истории / В. Т. Папуто (ред.). Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1980. С. 21–36; Gillis J. R. The Development of European Society. P. 19–20; Parker D. Absolutism // *Encyclopedia of European Social History*... Vol. 2. P. 439–448
53. Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства. СПб.: Типография МВД, 1911. С. VI; Hamerow Th.S. *The Birth of a New Europe*. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1983. P. 302–304.

54. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. С. 55–92; Hausmann G. *Civil Society // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 2. P. 489–498.
55. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. С. 177–180.
56. Зарудный М. И. Общественный быт Англии. СПб., 1865. С. 131-143; Федоров К. Г. История государства и права зарубежных стран. М., 1977. С. 171-178.
57. Гернет М. Н. Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика самоубийств): В 2 вып. М.: ЦСУ, 1922, 1927. Вып. 1. С. 50-97; О преступности в Англии и во Франции // Библиотека для чтения. 1854. № 10. С. 43-54; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1933. Т. 33. Стб. 375-378; Alaimo K. *Juvenile Delinquency and Hooliganism // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 3. P. 383–398; Cockburn J. S. *Patterns of Violence in English Society: Homicide in Kent, 1560-1985 // Past and Present.* 1991. No. 130. February. P. 70-106; *Crime in England: 1550-1800 / J. S. Cockburn (ed.).* London, 1977; Curr T. R. *Contemporary Crime in Historical Perspective: A Comparative Study of London, Stockholm, and Sydney // Annual of the American Academy of Political and Social Science.* 1977. No. 434. P. 114-136; Spierenburg P. *Crime // Encyclopedia of European Social...* Vol. 3. P. 335–350; Zehr H. *The Modernization and Crime in Germany and France: 1830-1913 // Journal of Social History.* 1975. Vol. 8. No. 4. P. 117-141.
58. Schrader A. M. *Punishment // Encyclopedia of European Social History ...* Vol. 3. P. 413–428.
59. Дидерикс Г. А. и др. *От аграрного общества...* С. 181–191; Burke P. 1) *Popular Culture in Early Modern Europe.* New York et al.: Harper Torchbooks, 1978; 2) *Popular Culture // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 5. P. 3–14; Luria K. P. *Belief and Popular Religion // Ibid.* P. 249–262; Ramsey A. W. *The Reformation of Popular Culture // Ibid.* P. 53–66; *Religion and Society in Early Modern Europe: 1500-1800 / K. Greyerz (ed.).* London, 1984; Scarre G. *Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe.* Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1987; Scribner R. W. *Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany.* London and Roncererte: The Hambledon Press, 1987; *The History of Popular Culture to 1815 / N. Cantor, M. S. Werthman (eds.).* New York and London: The Macmillan Co., 1968; Thomas K. *Religion and Decline of Magic.* New York: Scribner, 1971.
60. Вигзелл Ф. Зарисовки российского быта XVIII-XIX веков: гадалки и их клиенты // *Отечественная история.* 1997. № 1. С. 159-167; Дидерикс Г. А. и др. *От аграрного общества...* С. 187–188; Clark S. *Magic // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 5. P. 29–40; Sharpe J. A. *Witchcraft // Ibid.* Vol. 3. P. 361–372.
61. Левин И. «Двоеверие» и народная религия // *Американская русистика...* С. 259-283; Огева О.Г. Религиозность русских людей в первой четверти XVIII века глазами западноевропейских мемуаристов: Ю. Юль, Х.-Ф. Вебер // *Русская история: проблема менталитета: Тезисы докладов научной конференции.* Москва, 4-6 октября 1994 / А. А. Горский (ред.). М.: ИРИ РАН, 1994. С. 102-105; Doyle W. *The Old European Order. 1660-1800.* P. 152-155.
62. Дидерикс Г.А. и др. *От аграрного общества...* С. 176–191; Henry J. *Science and the Scientific Revolution // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 2. P. 77–94; Lehmann H. *Secularization // Ibid.* P. 95–100.
63. Занков Д.С. Ведовские процессы в Западной Европе (конец XV-начало XVIII веков): Автореф. ... канд. ист. наук. СПб, 2006; Дидерикс Г. А. и др. *От аграрного общества...* С. 187–188; Scarre G. *Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe.* Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1987. P. 25, 30.
64. Pocs E. *Between the Living and the Dead. A Perspective on Witches and Seers in the Early Modern Age.* Budapest: Central European University Press, 1998.
65. Doyle W. *The Old European Order.* P. 152-155.
66. Roger E. M. *Social Change in Rural Society: A Text-book in Rural Sociology.* New York, 1960. P. 208-209.
67. Каразин В. Н. Языческий праздник в Европе в XIX столетии христианского летоисчисления // Каразин В. Н. *Сочинения, письма, бумаги.* Харьков: Харьк. ун-т, 1910. С. 582–584.
68. Rule J. G. *Moral Economy and Luddism // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 3. P. 205–216.
69. Ban B. *Factory Work // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 4. P. 479–494; Cross G. S. *Work Time // Ibid.* P. 501–512; Shapely P. *Work and the Work Ethic // Ibid.* P. 451–466; Holt M. P. *Festivals // Ibid.* Vol. 5. P. 41–52.
70. Дидерикс Г. А. и др. *От аграрного общества...* С. 173–176, 267–271; Pounds N. *Standards of Living // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 5. P. 451–460.
71. Hanagan M.P. *Urban Crowds // Encyclopedia of European Social History...* Vol. 3. P. 217–226; Richards M. D. *Revolutions // Ibid.* P. 227–252.
72. Дашкова Е.Р. *Записки княгини Е. Р. Дашковой.* М.: Наука, 1990. С. 480.
73. Кони А.Ф. *Воспоминания о писателях.* М.: Правда, 1989. С. 535.
74. Маслов П.П. *Аграрный вопрос в России: В 2 т. СПб.: Общественная польза, 1905, 1908. Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение.* С. 73.

75. См. например, ставшую классической книгу: Haskins Ch. H. *The Renaissance of the 12th Century*. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1964. Bouchard C. B. *The Medieval Heritage // Encyclopedia of European Social History... Vol. 1. P. 131–142.*
76. Боборыкин П. Д. *Воспоминания: В 2 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2. С. 414.*
77. Миронов Б. Н. *Историк и социология. Л.: Наука, 1984. С. 140–162; Кон И. С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). М.: Просвещение, 1979. С. 59–77. Американский историк русского происхождения, М. Левин, считает, что русские крестьяне в 1900–1920-е гг. жили примерно как французские крестьяне в XVI в.: Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York: Panteon Books, 1985. P. 52.*
78. Бердяев Н. А. *Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 251.*
79. Цит. по: Козлова Н. Н. *Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. С. 7.*
80. Набоков В. В. *Лолита: Исповедь Светлокожего Вдовца. М.: Текст, 1998.*
81. Дидерикс Г. А. и др. *От аграрного общества... С. 3–6, 62–63, 188–191, 230–233, 419; Хачатурян Н. А., Хачатурян В. М. Средневековая культура России и Западной Европы: Идентичность и расхождение // Цивилизация. № 3. 1995. С. 62–79; Agnew J. Principles of Regionalism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 1. P. 243–256; Wade R. *Russia and the East Slavs // Ibid. P. 405–420.**
82. Милоков П. Н. *Воспоминания. В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. С. 158. См. также: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М.; Пг.: Гос изд., 1923. С. 181–186; Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России: По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб.: тип. Шредера, 1910. С. 137–145.*
83. Black C. E. *The Modernization of Russian Society // The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861 / C. E. Black (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 679.*
84. Павлов-Сильванский Н. П. *Феодализм в России; Пресняков А. Е. 1) Княжое право в Древней Руси. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1909; 2) Лекции по русской истории. М.: Соцэкгиз, 1938. Т. 1; 3) Образование великорусского государства. Пг.: Тип. Я.Башмаков, 1918; Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.*
85. Рукавишников В. О. и др. 1) *Россия между прошлым и будущим: Сравнение показателей политической культуры населения 22-х стран Европы и Северной Америки // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 75–90; 2) Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. См. также: Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль (ред.). М.: Аспект Пресс, 2002. С. 84–88; Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // *Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 60–70; Назаров М.М. Политическая культура российского общества 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРПС, 1998; Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. М.: ИНИОН РАН, 1994; Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре / *Полис. 1997. № 5. С. 127–139.***
86. Вебер М. *Избранные произведения. С. 406.*

References:

1. Mironov B. N. 1) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII—nachalo KhKh v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: V 2 t. 3-e izd. SPb.: Dm. Bulanin, 2003; 2) Blagosostoyanie i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII—nachalo KhKh veka. 2-e izd. M.: Ves' mir, 2012.*
2. Gofman A. B. *O sotsiologii Emilya Dyurkgeima // Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. M.: Nauka, 1991. S. 553; Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991. S. 469–509; П'ин V. V. Politologiya. M.: Kn. dom «Universitet», 2000. S. 334–341; Shapovalov V.F. *Rossievedenie. M.: Grand; FAIR-press, 2001. S. 332–362.**
3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 393.*
4. См. например: Utkin A. I. *Rossiya i Zapad: Istoriya tsivilizatsii. M.: Gardarika, 2000; Filyushkin A. Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziei // Ab Imperio. 2004. № 1. S. 191–228; Billington J. H. *Russia in Search of Itself. Washington D.C.: Woodrow Wilson Press: Johns Hopkins University Press, 2004; Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Lieven D. *Empire: The Russian Empire and its Rivals. London: John Murray, 2000; Poe M. *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000.*****
5. Vul'f. L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. S. 516–541. Podobnym obrazom drugoi amerikanskii intellektual i politicheskii aktivist palestinskogo dvizheniya Edvard Vadi Said (1935–2003), v 1978 g. v svoei stavshei znamenitoy knige pokazal, chto Zapad vseгда imel delo ne tol'ko s Vostokom kak takovym, s ego prezentatsiyami, skol'ko s tem vtorichnym po svoei suti obrazom Vostoka, kotoryi sozдал sam dlya svoikh nuzhd – s sistemoi reprezentatsii; izobretenie otstalogo Vostoka sluzhilo sredstvom gospodstva Zapada nad Aziei: Said E. V. *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka. SPb.: Russkii mir, 2006.**

6. Noimann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnosti. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.
7. Labutina T. L. Anglichane v dopetrovskoi Rossii. SPb.: Aleteiya, 2012. S. 261. Negativnye otsenki russkikh vstreichayutsya uzhe v evropeiskikh khronikakh XII-XIII vv., gde oni predstavlyayut kak dikiye, neblagorodnye, neobrazovannyye lyudi, tyagoteyushchie k obshcheniyu s yazychnikami: Kontseptsii i otsenki razvitiya Rossii (XX-nachalo XXI v.) v zarubezhnykh issledovaniyakh. Kollektivnaya monografiya / Yu.I. Igritskii (red.). M.: INION RAN, 2010. S. 184.
8. Filyushkin A. I. Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziei. S. 225—226. Sm. interesnye soobrazheniya na etot schet: Stantsiani A. Vzaimnoe sravnenie i istoriya: Nekotorye predlozheniya, podskazannyye izucheniem rossiiskogo materiala // Ab Imperio. 2011/4. S. 35—57.
9. Shchukin V. G. Zapad kak prostranstvo «romanticheskogo pobega» (Zamogil'nye zapiski Vladimira S. Pecherina) // Iz istorii russkoi kul'tury: V 5 t. T. 5. (XIX vek) / B. F. Egorov, A. D. Koshelev (sost.). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1966. S. 559—573.
10. Primer ispol'zovaniya funktsii «temnogo i svetlogo dvoynika» sm.: Foglesong D. S. The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (sm. interesnuyu retsenziyu V. I. Zhuravlevoi v «Novom istoricheskom vestnike». 2009. № 2); Kuptsova I. V. Obraz Germanii v soznanii rossiiskoi khudozhestvennoi intelligentsii v gody Pervoi mirovoi voyny // Klio. 2012. № 5 (65). S. 68—71; Ladygin A. V. Obraz Germanii v soznanii rossiiskogo obshchestva v 1870-1890 gg. (po materialam pressy): Avtoref. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2010.
11. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada. M.: Izdatel'stvo ACT, 2003; Dzhekobs D. Zakat Ameriki: Vpered i Srednevekov'e. M.: Evropa, 2006.
12. Liven D. Rossiiskaya imperiya i ee vrugi s XVI veka do nashikh dnei. M.: Evropa, 2007. S. 642, 643, 645.
13. Krashennikova V. Rossiya - Amerika: kholodnaya voyna kul'tur. Kak amerikanskii tsennoyi prelomlyayut videnie Rossii. M.: Evropa, 2007. S. 248, 349—356.
14. Partanenko T. V., Ushakov V. A. Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (KhVIII-pervaya polovina KhIX veka). SPb.: Nestor, 2006. S. 142; Tsilyurik D. D. Obraz Rossii vo Frantsii: formirovanie matritsy vospriyatiya v XVIII — nachale XIX v. // Mediaskop. 2012. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1026> (poslednee poseshchenie 27.10.2013). Analiz togo, kakim byl i kak formirovalsya obraz Rossii za rubezhom i v samoi Rossii v XVII—XIX vv. sm.: Belgorodskaya L.V. Obraz rossiiskoi imperii na stranitsakh britanskii i amerikanskikh spravochno-entsiklopedicheskikh izdaniy XX veka. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009; Kontseptsii i otsenki razvitiya Rossii...; Obrazy Rossii v nauchnom, khudozhestvennom i politicheskom diskursakh (istoriya, teoriya, pedagogicheskaya praktika) / I.O. Ermachenko (red.). Petrozavodsk: PGU, 2001; Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya / A. I. Golubev (red.). M., 2000; Ushakov V. A. Rossiya v traktovke inostrantsa: formirovanie predstavlenii i stereotipov: V 3 kn. SPb.: Poltorak, 2010—2012.
15. Barabash V. V., Bordyugov G. A., Kotelenets E. A. Obraz Rossii v mire. M.: AIRO-XXI, 2010. Vopros konstruirovaniya obraza Rossii za rubezhom obsuzhdalsya na mezhdunarodnoi konferentsii v Budapeshte: Obraz Rossii s Tsentral'no-evropeiskim aktsentom: Sb. statei i materialov / D. Svak, I. Kish (red.). Budapesht: Tsentr rusistiki Budapeshtskogo universiteta; Moskva: INION, 2010. Sredi dokladov osobennoi interes v svyazi s obsuzhdaemoi problemoi predstavlyayut: Svak D. Rossiya i ee imidzh; Vagner P. Obraz Rossii v Tsentral'noi Evrope: bremya istorii i ego otgoloski; Zaritskii T. Rossiiskii diskurs v Pol'she: obraz Rossii v konstruirovaniy pol'skoi identichnosti; Pavlikova M. Osobennosti formirovaniya obraza Rossii v SMI zarubezhnykh stran. Sm. takzhe: Borodin S.V. Stereotipy Rossii i russkikh v uchebnikakh FRG v 1950-1980-kh gg. // Obrazy istoriografii / A. P. Logunov (red.). M., 2000. S. 133-146; Elistratov V. S. Rossiya kak mif (k voprosu o strukturno-mifologicheskikh tipakh vospriyatiya Rossii Zapadom // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. Vyp. 1. M., 1991; Novye mify o Rossii: Russkie glazami inostrantsev / L. Ar'e i dr. M.: Eksmo, 2005; Obraz Rossii: Russkaya kul'tura v mirovom kontekste / E. P. Chelyshev (red.). M.: Azbukovnik, 1998; Russkie glazami inostrantsev: Novye mify o Rossii / V. Betaki, i dr. M.: Eksmo, 2009.
16. Rankur-Lafer'er D. 1) Rabskaya dusha Rossii: Problemy npravstvennogo mazokhizma i kul't stradanija. M.: Lodomir, 1996; 2) Rossiya i russkie glazami amerikanskogo psikhoanalitika: V poiskakh natsional'noi identichnosti. M.: Lodomir, 2003.
17. Shevyrin V. M. Pereosmyslenie rossiiskoi istorii X—nachala KhKh v. v zarubezhnoi istoriografii: (Obzor) // Istoriya Rossii v sovremennoi zarubezhnoi istoriografii: Sbornik obzorov i referatov / V.M. Shevyrin (red.). M.: INION RAN, 2010. Ch. 1. S. 14, 15, 60. Sm. takzhe: Briggs E., Klevin P. Evropa novogo i noveishego vremeni: S 1789 goda do nashikh dnei. M.: Ves' mir, 2006; Trenin D. Integratsiya i identichnost': Rossiya kak «novyi Zapad». M.: Evropa, 2006. Golosa, osparivayushchikh evropeiskuyu sushchnost' Rossii, pritikhli, no ne smokli: Bezanson A. Rossiya — evropeiskaya strana? // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 (20). S. 246-265.
18. Devis N. Istoriya Evropy. M.: Tranzitkniga, 2005. S. 9, 17.
19. URL: [http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Presse-Rossiya-v-desyat?](http://inotv.rt.com/2013-08-08/Die-Presse-Rossiya-v-desyat/) (data obrashcheniya 30.10.2013).
20. Diskurs ob islame, Rossii i Vostoke rassmotren v kn.: Batunskii M.A. Rossiya i islam. V 3 ch. M.: Progress-Traditsiya, 2003.

21 Sakharov A. N. *Drevnyaya Rus' na putyakh k «Tret'emu Rimu»*. M.: IRI RAN, 2006; Masaryk Th. G. *The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy*. London and New York: G. Allen and Unwin; Macmillan, 1955. Vol. 1-2; Miliukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L. *Russian History*. New York: Funk and Wagnalls, 1968. Vol. 1. P. XVIII-XXI, 98; Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453*. New York and Washington: Praeger Publishers, 1971. Po mneniyu Yanova, Rossiya i rodilas' stranoi evropeiskoi kak Kievsko-Novgorodskaya Rus': Yanov A. *Rossiya i Evropa: V 3 kn. M.: Novyi khronograf*, 2008. Kn. 1. V nachale byla Evropa: U istokov tragedii russkoi gosudarstvennosti. 1462-1584.

22. Olson L. *The Early Middle Ages: The Birth of Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 198. Ekstravagantnoi predstavlyaetsya tochka zreniya, soglasno kotoroi posle nashestviya mongolov proizoshel polnyi razryv s Kievskim periodom i nablyudalos' slepoe kopirovanie politicheskikh i voennykh institutov mongolov: Ostrovski D. *Mongol'skie korni russkikh gosudarstvennykh uchrezhdenii // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoi i Moskovskoi Rusi. Antologiya / Dzh. Madzheska (sost). Samara: Izd-vo SGU, 2001. S. 143-171.*

23. Tochka zreniya o evropeiskoi traektorii Rossii nashla svoe voploshchenie v nedavnei fundamental'noi knige izvestnogo nemetskogo istorika Manfreda Khil'dermaiera ««Istoriya Rossii: ot Srednevekov'ya do Oktyabr'skoi revolyutsii»: Hildermeier M. *Geschichte Russlands: Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. Leinen: C. H. Beck. 2013. 1504 S. Na russkom yazyke etomu posvyashchena ego stat'ya: Khil'dermaier M. *Rossiiskii «dolgii XIX vek»: osobyi put'» evropeiskoi modernizatsii? // Ab Imperio. 2002. № 1. S. 85-101.*

24. *The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics from the Middle Ages to the Early Twentieth Century / D. Chirot (ed.)*. Berkeley, CA: University of California Press, 1989; Okey R. *Eastern Europe, 1470-1985: From Feudalism to Communism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982; Wandycz P. S. *The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present*. London and New York: Routledge, 1992.

25. Dideriks G. A. i dr. *Ot agrarnogo obshchestva k gosudarstvu vseobshchego blagodenstviya. Modernizatsiya Zapadnoi Evropy s XV v. do 1980-kh gg. / T. L. Moiseenko-Doorn (red.)*. M.: ROSSPEN, 1998. S. 60-191, 416-419; Trevel'yan Dzh. M. *Sotsial'naya istoriya Anglii: Obzor shesti stoletii ot Chosera do korolevy Viktorii*. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959. S. 21-121; Galtung J., Rudeng E., Heiestad T. *On the Last 2500 Years in Western History... P. 320-329*; Goubert P. *The Ancient Regime: French Society, 1600-1750*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; Huppert G. *After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1986; Laslett P. *The World We Have Lost*; Pennigton D. N. *Seventeenth Century Europe*. London and New York: Longman, 1970; Weber E. *A Modern History of Europe: Men, Culture, and Society*. New York: W. W. Norton, 1971. P. 3-36, 183-220.

26. Bessmertnyi Yu. L. 1) *Istoricheskaya demografiya pozdnego srednevekov'ya na sovremennom etape // Srednie veka. 1987. T. 50. 1987. S. 292-293*; 2) *Zhizn' i smert' v srednie veka: Ocherki demograficheskoi istorii Frantsii*. M.: Nauka, 1991. S. 222-229; Vishnevskii A. G. *Demograficheskaya revolyutsiya*. M.: Statistika, 1976; *Brachnost', rozhdaiemo, sem'ya za tri veka / A. G. Vishnevskii, I. S. Kon (red.)*. M.: Statistika, 1979; Dideriks G. A. i dr. *Ot agrarnogo obshchestva... S. 29-63, 230-233*; Flinn M. W. *The European Demographic System: 1500-1820*. Brighton: Harvester Press, 1981; Haines M. R. *The Population of Europe: The Demographic Transition and After // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000: In 6 vols. / P. N. Stearns (ed.)*. New York etc.: Charles Scribner's Sons, 2001. Vol. 2. P. 159-170; Levine D. *The Population of Europe: Early Modern Demographic Patterns // Ibid. P. 145-158*; Riddle J. M. *Birth, Contraception, and Abortion // Ibid. P. 181-191.*

27. Dideriks G. A. i dr. *Ot agrarnogo obshchestva... S. 55-59*; Zider R. *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII-XX vv.)*. M.: Vlosos, 1997. S. 285-294; *Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of Fourteen European Countries / K. Boh et al. (eds.)*. London and New York, 1989; *Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. The Family and Age Groups. P. 85-242*; Gillis J. R. *For Better, For Worse: British Marriages, 1600 to the Present*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 130-134; Gottlieb B. *The Family in the Western World from Black Death to the Industrial Age*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1993; Flandrin J.-L. *Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality*. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 118-144; Mitterauer M., Reindard S. *The European Family: From Patriarchy to Partnership from the Middle Ages to the Present*. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 227-234; Shorter E. *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1977. P. 39-44, 54-78, 218-227; Stone L. *The Rise of the Nuclear Family in Early Modern England: The Patriarchal Stage // The Family in History / Ch. E. Rosenberg (ed.)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975. P. 13-59. Vprochem, nasiliya v semeinykh otnosheniyakh mnogo dazhe v sovremennykh zapadnykh stranakh. Naprimer, v SSHA v 1980-e gg. v 28% semei vstrechalis' sluchai fizicheskoi agressii suprugov drug protiv druga, v 4% sluchaev s primeneniem oruzhiya: Campbell A. *Men, Women and Aggression*. New York: Basic Books, 1993. P. 103. Ezhegodnoe chislo zhenshchin, izbivaemykh svoimi muzh'yami, otsenivaetsya sotsiologami v 3-5 mln chelovek, a muzhchin, izbivaemykh zhenshchinami, v 6 raz men'she, sledovatel'no, - 0,5-0,8 mln: *Obshchestvennye nauki za rubezhom. Referativnyi zhurnal. Seriya 3: Filosofiya i sotsiologiya. 1986. № 3. S. 159-165.*

28. Kon I. S. *Bit' ili ne bit'.* M.: Bremya, 2012. Glava 2. *Nemnogo istorii*; Zider R. *Sotsial'naya istoriya sem'i... S. 36-45, 115-120, 133-136*; Anderson A., Zinsser J. P. *A History of Their Own: Women in Europe*

- from Prehistory to the Present. New York: Harper and Row, 1988. Vol. 1, 2; Aries Ph. Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. London: Jonathan Cape, 1962; Levine D. History of the Family // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 97; Pollock L. A. A Lasting Relationship: Parents and Children over Three Centuries. Hanover and London: University Press of New England, 1987; The History of Childhood / M. Lloyd (ed.). New York: The Psychohistory Press, 1974;
29. Family Forms in Historic Europe / R. Wall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / P. Laslett, R. Wall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 623.
30. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 55–57; Berkner L. K. The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. 1975. No. 4. P. 721–738; Flandrin J.-L. Families in Former Times.... P. 5–92; Levine D. The European Marriage Pattern // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 171–180.
31. Hall L. A. Masturbation // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 279–290; Phillips R. G. Sex, Law, and the State // Ibid. P. 301–310; Sigel L. Z. Sexual Behavior and Sexual Morality // Ibid. P. 243–258; Sohn A.-M. Illegitimacy and Concubinage // Ibid. P. 259–268; Trumbach R. Homosexuality and Lesbianism // Ibid. P. 311–326.
32. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 146–151, 154–171; Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification / M. L. Bush (ed.). London and New York: Longman, 1992).
33. Fild D. Sotsial'nye predstavleniya v dorevolyutsionnoi Rossii // Reformy ili revolyutsiya? Rossiya 1861-1917: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov / V. S. Dyakin (red.). SPb.: Nauka, 1992. S. 70, 78.
34. Dewald J. The Aristocracy and Gentry // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 27–38; The Nobility in Russia and Eastern Europe / I. Banac, P. Bushkovitch (eds.). New Haven: Yale University Press, 1983.
35. Khachatryan N. A. Frantsuzskoe krest'yanstvo v sisteme soslovnoi monarkhii // Klassy i sosloviya srednevekovogo obshchestva / Z. V. Udal'tsova (red.). M.: Nauka, 1988. S. 103–111.
36. Kaelble H. Social Mobility // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 19–26.
37. Albisetti J. C. Professionals and Professionalization // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 57–78; Hunt M. The Middle Classes // Ibid. P. 39–56.
38. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 64–191; Friedrichs Ch. R. 1) The City: The Early Modern Period // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 249–262; 2) Urban Institutions and Politics: The Early Modern Period // Ibid. Vol. 2. P. 301–306; Gies F., Gies J. Life in a Medieval Village. New York et al.: Harper and Row, 1990. P. 88–105; Huppert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. P. 1–13, 30–40.
39. Byukher K. Vozniknovenie narodnogo khozyaistva. S. 141–166; Dzhivelegov A. K. Srednevekovye goroda v Zapadnoi Evrope. SPb.: Brokgauz-Efron, 1902; Eshli U. Dzh. Ekonomicheskaya istoriya Anglii v svyazi s ekonomicheskoi teoriei. M.: M.I. Vodovozova, 1897. S. 285–297; Yastrebitskaya A. L. Evropeiskii gorod (srednie veka i rannee novoe vremya): Vvedenie v sovremennuyu urbanistiku. M.: INION RAN, 1993; Doyle W. The Old European Order: 1660–1800. Oxford et al.: Oxford University Press, 1990. P. 126.
40. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 150; Tushina E. V. Gorodskoe zemlevladienie // Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. T. 2. Zhizn' goroda i deyatel'nost' gorozhan / A.A. Svanidze (red.). M.: Nauka, 1999. S. 279–289.
41. Byukher K. Vozniknovenie narodnogo khozyaistva. SPb.: N.N.Kablukov, 1907. S. 165.
42. Haine W. S. Street Life and City Space // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 313–328.
43. Russo D. J. Families and Communities: A New View of American History. Nashville, 1974.
44. Miller M. Fairs and Markets // Encyclopedia of European Social History ... Vol. 2. P. 425–438.
45. Cowan A. Suburbs and New Towns // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 329–342.
46. Mathias P. The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700–1914. 2nd ed. London; New York: Methuen, 1983. P. 179.
47. Papayanis N., Wakeman R. The Urban Infrastructure // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 277–290.
48. Cowan A. Urbanization // Encyclopedia of European Social History. Vol. 2. P. 237–248; Friedrichs Ch. R. The City: The Early Modern Period // Ibid. P. 249–262; Konvitz J. The City: The Modern Period // Ibid. P. 263–276.
49. Zyuskind P. Parfyumer: Istoriya odnogo ubiitsy. SPb.: Azbuka, 2000. S. 5–6.
50. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva k gosudarstvu vseobshchego blagodenstviya. S. 74–98; Knapp G. Osvobozhdenie krest'yan i proiskhozhdenie sel'skokhozyaistvennykh rabochikh v starykh provintsiyakh Prusskoi monarkhii. SPb.: O.N. Popova, 1900; Tompson F. M. Istoriya evropeiskikh sel'skikh obshchestv // Tsivilizatsii. 1995. Vyp. 3. S. 209–218; Brener Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe / T. H. Aston, C. H. E. Philis (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Blum J. The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, NJ.: Princeton University Press,

1978; Doyle W. The Old European Order. P. 14-17; Gorshkov B. Serfdom: Eastern Europe // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 379–388; Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe: A. D. 500-1850. New York: St. Martin's Press, 1963; Vardi L. Serfdom: Western Europe // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 369–378.

51. Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. Berkeley et al.: University of California Press, 1977. P. 175-211; Heady F. Public Administration: A Comparative Perspective. New York and Basel, 1983. P. 136-173; Heater D. B. Order and Rebellion: A History of Europe in the Eighteenth Century. London et al.: G. G. Harrap, 1964. P. 223-229; Madariaga I. 1) Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London: Yale University Press, 1981. P. 581-588; 2) Sisters under the Skin // Slavic Review. 1982. Vol. 41. No. 4. P. 624-628; Shubert A. The Liberal State // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 449–462; Tilly Ch. Democracy // Ibid.... P. 463–476.

52. Bessmertnyi Yu. L. Sen'orial'naya i gosudarstvennaya sobstvennost' v Zapadnoi Evrope i na Rusi v period razvitogo feodalizma // Sotsial'no-ekonomicheskie problemy rossiiskoi derevni v feodal'nyu i kapitalisticheskuyu epokhi Materialy XVII sessii Simpoz. po izuch. probl. agrar. istorii / V. T. Pashuto (red.). Rostov n/D : Izd-vo Rost. un-ta, 1980. S. 21–36; Gillis J. R. The Development of European Society. P. 19-20; Parker D. Absolutism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 439–448

53. Ministerstvo vnutrennikh del: Vybory v Gosudarstvennyu Dumu tret'ego sozyva. Statisticheskii otchet osobogo deloproizvodstva. SPb.: Tipografiya MVD, 1911. S. VI; Hamerow Th. S. The Birth of a New Europe. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1983. P. 302-304.

54. Bredli Dzh. Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: Nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo. M.: Novyi khronograf, 2012. S. 55–92; Hausmann G. Civil Society // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 489–498.

55. Karbon'e Zh. Yuridicheskaya sotsiologiya. M.: Progress, 1986. S. 177–180.

56. Zarudnyi M. I. Obshchestvennyi byt Anglii. SPb., 1865. S. 131-143; Fedorov K. G. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. M., 1977. S. 171-178.

57. Gernet M. N. Moral'naya statistika: (Ugolovnaya statistika i statistika samoubiistv): V 2 vyp. M.: TsSU, 1922, 1927. Vyp. 1. S. 50-97; O prestupnosti v Anglii i vo Frantsii // Biblioteka dlya chteniya. 1854. № 10. S. 43-54; Entsiklopedicheskii slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. M.: Rus. bibliogr. int Granat, 1933. T. 33. Stb. 375-378; Alaimo K. Juvenile Delinquency and Hooliganism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 383–398; Cockburn J. S. Patterns of Violence in English Society: Homicide in Kent, 1560-1985 // Past and Present. 1991. No. 130. February. P. 70-106; Crime in England: 1550-1800 / J. S. Cockburn (ed.). London, 1977; Curr T. R. Contemporary Crime in Historical Perspective: A Comparative Study of London, Stockholm, and Sydney // Annual of the American Academy of Political and Social Science. 1977. No. 434. P. 114-136; Spierenburg P. Crime // Encyclopedia of European Social... Vol. 3. P. 335–350; Zehr H. The Modernization and Crime in Germany and France: 1830-1913 // Journal of Social History. 1975. Vol. 8. No. 4. P. 117-141.

58. Schrader A. M. Punishment // Encyclopedia of European Social History ... Vol. 3. P. 413–428.

59. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 181–191; Burke P. 1) Popular Culture in Early Modern Europe. New York et al.: Harper Torchbooks, 1978; 2) Popular Culture // Encyclopedia of European Social History... Vol. 5. P. 3–14; Luria K. P. Belief and Popular Religion // Ibid. P. 249–262; Ramsey A. W. The Reformation of Popular Culture // Ibid. P. 53–66; Religion and Society in Early Modern Europe: 1500-1800 / K. Greyerz (ed.). London, 1984; Scarre G. Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1987; Scribner R. W. Popular Culture and Popular Movements in Reformation Germany. London and Roncererte: The Hambledon Press, 1987; The History of Popular Culture to 1815 / N. Cantor, M. S. Werthman (eds.). New York and London: The Macmillan Co., 1968; Thomas K. Religion and Decline of Magic. New York: Scribner, 1971.

60. Vigzell F. Zarisovki rossiiskogo byta XVIII-XIX vekov: gadalki i ikh klienty // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 1. S. 159-167; Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 187–188; Clark S. Magic // Encyclopedia of European Social History... Vol. 5. P. 29–40; Sharpe J. A. Witchcraft // Ibid. Vol. 3. P. 361–372.

61. Levin I. «Dvoeverie» i narodnaya religiya // Amerikanskaya rusistika... S. 259-283; Ogeeva O.G. Religioznost' russkikh lyudei v pervoi chetverti XVIII veka glazami zapadnoevropeiskikh memuaristov: Yu.Yul', Kh.-F. Veber // Russkaya istoriya: problema mentaliteta: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii. Moskva, 4-6 oktyabrya 1994 / A. A. Gorskii (red.). M.: IRI RAN, 1994. S. 102-105; Doyle W. The Old European Order. 1660-1800. P. 152-155.

62. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 176–191; Henry J. Science and the Scientific Revolution // Encyclopedia of European Social History... Vol. 2. P. 77–94; Lehmann H. Secularization // Ibid. P. 95–100.

63. Zankov D. S. Vedovskie protsessy v Zapadnoi Evrope (konets KhV-nachalo KhVIII vekov): Avtoref. ... kand. ist. nauk. SPB, 2006; Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 187–188; Scarre G. Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth-Century Europe. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1987. P. 25, 30.

64. Pocs E. Between the Living and the Dead. A Perspective on Witches and Seers in the Early Modern Age. Budapest: Central European University Press, 1998.

65. Doyle W. The Old European Order. P. 152-155.
66. Roger E. M. Social Change in Rural Society: A Text-book in Rural Sociology. New York, 1960. P. 208-209.
67. Karazin V. N. Yazycheskii prazdnik v Evrope v XIX stoletii khristianskogo letoischneniya // Karazin V. N. Sochineniya, pis'ma, bumagi. Khar'kov: Khar'k. un-t, 1910. S. 582-584.
68. Rule J. G. Moral Economy and Luddism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 205-216.
69. Ban B. Factory Work // Encyclopedia of European Social History... Vol. 4. P. 479-494; Cross G. S. Work Time // Ibid. P. 501-512; Shapely P. Work and the Work Ethic // Ibid. P. 451-466; Holt M. P. Festivals // Ibid. Vol. 5. P. 41-52.
70. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 173-176, 267-271; Pounds N. Standards of Living // Encyclopedia of European Social History... Vol. 5. P. 451-460.
71. Hanagan M. P. Urban Crowds // Encyclopedia of European Social History... Vol. 3. P. 217-226; Richards M. D. Revolutions // Ibid. P. 227-252.
72. Dashkova E. R. Zapiski knyagini E. R. Dashkovoï. M.: Nauka, 1990. S. 480.
73. Koni A. F. Vospominaniya o pisatelyakh. M.: Pravda, 1989. S. 535.
74. Maslov P. P. Agrarnyi vopros v Rossii: V 2 t. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1905, 1908. T. 2. Krizis krest'yanskogo khozyaistva i krest'yanskoe dvizhenie. S. 73.
75. Sm. naprimer, stavshuyu klassicheskoi knigu: Haskins Ch. H. The Renaissance of the 12th Century. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1964. Bouchard C. B. The Medieval Heritage // Encyclopedia of European Social History... Vol. 1. P. 131-142.
76. Boborykin P. D. Vospominaniya: V 2 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. T. 2. S. 414.
77. Mironov B. N. Istorik i sotsiologiya. L.: Nauka, 1984. S. 140-162; Kon I. S. Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: (Problemy formirovaniya lichnosti). M.: Prosveshchenie, 1979. S. 59-77. Amerikanskiy istorik russkogo proiskhozhdeniya, M. Levin, schitaet, chto russkie krest'yane v 1900-1920-e gg. zhili primerno kak frantsuzskie krest'yane v XVI v.: Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Panteon Books, 1985. P. 52.
78. Berdyaev N. A. Dukhi russkoi revolyutsii // Vekhi. Iz glubiny. M.: Pravda, 1991. S. 251.
79. Tsit. po: Kozlova N. N. Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya. M.: Klyuch-S, 1999. S. 7.
80. Nabokov V. V. Lolita: Ispoved' Svetlokozhego Vdovtsa. M.: Tekst, 1998.
81. Dideriks G. A. i dr. Ot agrarnogo obshchestva... S. 3-6, 62-63, 188-191, 230-233, 419; Khachatryan N. A., Khachatryan V. M. Srednevekovaya kul'tura Rossii i Zapadnoi Evropy: Identichnost' i raskhozhdenie // Tsvivilizatsiya. № 3. 1995. S. 62-79; Agnew J. Principles of Regionalism // Encyclopedia of European Social History... Vol. 1. P. 243-256; Wade R. Russia and the East Slavs // Ibid. P. 405-420.
82. Milyukov P. N. Vospominaniya. V 2 t. M.: Sovremennik, 1990. T. 1. S. 158. Sm. takzhe: Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Drevnei Rusi. M.; Pg.: Gos izd., 1923. S. 181-186; Kareev N. V kakom smysle možno govorit' o sushchestvovanii feodalizma v Rossii: Po povodu teorii Pavlova-Sil'vanskogo. SPb.: tip. Shredera, 1910. S. 137-145.
83. Black C. E. The Modernization of Russian Society // The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861 / C. E. Black (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 679.
84. Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Rossii; Presnyakov A. E. 1) Knyazhoe pravo v Drevnei Rusi. SPb.: tip. M.A. Aleksandrova, 1909; 2) Lektsii po russkoi istorii. M.: Sotsekgiz, 1938. T. 1; 3) Obrazovanie velikorusskogo gosudarstva. Pg.: Tip. Ya. Bashmakov, 1918; Froyanov I. Ya. 1) Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii. L.: Izd-vo LGU, 1974; 2) Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. L.: Izd-vo LGU, 1980.
85. Rukavishnikov V. O. i dr. 1) Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: Sravnenie pokazatelei politicheskoi kul'tury naseleniya 22-kh stran Evropy i Severnoi Ameriki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 5. S. 75-90; 2) Politicheskoe kul'tury i sotsial'nye izmeneniya: Mezhdunarodnye sravneniya. M.: Sovpadenie, 1998. Sm. takzhe: Almond G. i dr. Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoi obzor / M.V. Il'in, A. Yu. Mel'vil' (red.). M: Aspekt Press, 2002. S. 84-88; Batalov E. Ya. Sovetskaya politicheskaya kul'tura (k issledovaniyu raspadayushcheysya paradigmy) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 3. S. 60-70; Nazarov M. M. Politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva 1991-1995 gg.: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: Editorial URSS, 1998; Pivovarov. Yu. S. Politicheskaya kul'tura poreformennoi Rossii. M.: INION RAN, 1994; Shcherbinina N. G. Arkhaika v rossiiskoi politicheskoi kul'ture / Polis. 1997. № 5. S. 127-139.
86. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. S. 406.

УДК 93/94

Россия и Запад: «разные часовые пояса»

Борис Николаевич Миронов

С.-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

С.-Петербургский государственный университет

Профессор

E-mail: bmironov@mail.wplus.net

Аннотация. Россия в течение своей многовековой истории развивалась как европейская страна. Русские национальные традиции, ценности и общественные институты находились в рамках европейских. Глобальные факторы развития являлись общими у русских и других народов Европы. В каждый данный момент Россия находилась на более ранней стадии социального, экономического и политического развития относительно лишь самых развитых западноевропейских стран. А сравнительно с другими Россия ничем существенно не отличалась и от них не отставала.

Ключевые слова: XVIII—начало XX в.; образы России; образы Запада; сравнение российских и западных институтов; развитие России и Европы.